

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т14

Евгений Жаринов

Т14 Тайна средневековых текстов. Библиотека Дон Кихота / Евгений Жаринов. — Москва: АСТ, 2020. — 416 с. — (Классика исторической литературы).

ISBN 978-5-17-121543-9

Профессор Воронов попадает в довольно странный переплет. Роман классика испанской литературы Сервантеса буквально оживает у него на глазах. В Москве начинается самая настоящая эпидемия подражательного членовредительства. Вслед за известным автором детективов по фамилии Грузинчик мир шоу-бизнеса охватила страсть публично наносить себе страшные увечья, дабы еще больше завладеть вниманием пресыщенной публики, очаровать ее так называемым священным насилием. Все мало-мальски известные люди как один начинают рубить себе правую руку. Дело в том, что Сервантес тоже был лишен руки и в таком состоянии взялся за написание великого романа. И только профессор Воронов видит в этом некий знак. Казалось, давно забытая книга обретает новую жизнь. Она становится книгой-матрицей, способной породить бесчисленное множество других текстов, а заодно и взорвать весь сытый мир бессовестной наживы. Кажется, вот-вот должен явиться миру Рыцарь печального образа и покарать в революционном порыве своем все грехи мира! Но нужны ли миру новые потрясения, новые мессии?.. Ясно одно: где-то в Испании эта ожившая Книга, как вампир, встает из могилы забвения и требует новых жертв. Профессор Воронов вместе с писателем Грузинчиком отправляются в опасное путешествие на родину Сервантеса. Что из этого получится, удастся ли остановить наваждение? Узнает каждый, кто прочитает роман «Тайна средневековых текстов» до конца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44



Издание для досуга

Евгений Жаринов

ТАЙНА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ

Заведующая редакцией Мария Андрюкова. Ответственный редактор Юлия Назарова.
Дизайн обложки: Александр Воробьев. Верстка: Анна Грених.

Подписано в печать 16.06.2020. Формат 84x108/32 Усл. печ. л. 24,84
Тираж 2000 экз. Заказ № . Бумага типографская пухлая 60.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705, помещение 1, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, 1-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы» Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к.,

Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1. Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-121543-9

© Евгений Жаринов, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Жене моей, Оксане, посвящается

Во всем виноваты клопы!

К такому выводу может прийти любой историк, занимающийся проблемой помешательства Дон Кихота.

Сеньора Алонсо Кихано клопы должны были искушать всего, не оставив на его худошавом теле ни одного живого места.

Для полноты картины приведем отрывок из книги знаменитого естествоиспытателя XIX века. О кровожадных повадках так называемых *Reduvius personatus*, а также *Cimex lectularius* ученый муж писал с содроганием сердца, писал, заметим, в стиле криминального репортажа: «Я с интересом присутствую при действиях одного редувия, высасывающего богомола. Двадцать раз меняет он на моих глазах места на теле жертвы, оставаясь более или менее долго на каждом. Он кончает ляжкой, которую укалывает в месте сочленения. Бочонок так хорошо высосан, что стал прозрачным. Богомол, в два-три вершка длиной, после действия адского насоса редувия становится прозрачным и похожим на кожицу, сбрасываемую им при линьке.

Эти кровожадные укусы напоминают нашего постельного клопа, который ночью, переходя с места на место, искушает все тело спящего и под утро, раздувшись, как ягода смородина, уходит прочь».

Отсюда, как вы понимаете, — бессонница, отсюда — желание читать по ночам всякий вздор, всякую беллетристику, чтобы как можно дольше оставаться вне власти этих чудовищ.

А то, что это были и есть чудовища, нас наглядно убеждает следующее описание все того же ученого мужа: «Некрасивы мои животные: пыльно-горохового цвета, плоские, с неуклюжими длинными ногами, — нет, они не внушают любви. Голова такая маленькая, что на ней только и есть место для пары глаз. Эта голова сидит на смешной шее, как будто перетянутой шнурочком.

Посмотрим вниз. Клюв чудовищный. Это не обыкновенный хоботок, какой бывает у насекомых, сосущих соки растений

и мирно жужжащих летним полднем в полях и лугах, это — грубое изогнутое орудие, имеющее форму согнутого указательного пальца. Грубость орудия указывает на то, что передо мной охотник, и охотник ночной, властелин тьмы».

Но почему вдруг возникла такая уверенность? Все очень просто. Кровать. Да, кровать — вот причина всех причин.

В те далекие времена кровать была исключительно деревянной. Железных постелей в стиле модерн с шишечками и матрасами на стальных пружинах, а также надувных пластиковых лож во времена Алонсо Кихано и в помине не было. Кровати были деревянными и древними. Они иногда насчитывали не одну сотню лет и переживали на своем долгом веку не одно поколение владельцев.

Как вы понимаете, для клопов, сверчков, жуков-древоточцев и прочих букашек подобные дредоуты в морях снов представлялись целым континентом или, по крайней мере, джунглями в устье Амазонки.

Думаю, что если бы современный ученый-биолог смог перебраться в далекое прошлое и исследовать под микроскопом кровать Дон Кихота, то он открыл бы такие виды и подвиды, наткнулся бы на таких мутантов, о существовании которых даже и не догадывается современная наука: слишком питательной оказалась среда.

Сюда следует добавить и то обстоятельство, что правила гигиены в эпоху Дон Кихота были весьма скромными, скорее напоминающими мусульманское омовение где-нибудь в современном Египте или других беднейших арабских странах.

Известно, что люди неделями не принимали ванны: частое мытье считалось не только вредным для здоровья, но и вообще делом небогоугодным. Вспомним, что во времена инквизиции скрытых мавров и иудеев распознавали как раз по тому, кто чист, благоухает и любит поплескаться в воде.

По данным историка Хейзинга, например, один из почитаемых деятелей церкви считал, что за телом вообще ухаживать грешно, и когда с тела этого святого падала какая-нибудь гусеница, то он любезно подбирал ее и вновь водружал куда-нибудь на плечо или шею, уверяя при этом своих учеников, что если он, святой, вкушает пищу от щедрот Господних, то и его плоть вполне может пригодиться кому-нибудь в качестве ужина.

То, что Дон Кихот не был большим любителем чистоты, свидетельствует хотя бы тот факт, что на протяжении двух томов он ни разу не вымылся и ни разу не сменил белья.

Но вернемся к кровати. Кровать, повторим, была только деревянной и всегда уникальной. Второй такой же было не сыскать на всем белом свете. Ее изготавливали по специальному заказу и только один раз. В дальнейшем она переходила из поколения

в поколение, столетиями накапливая грязь и пот предков. Лишь представители королевского рода могли позволить себе роскошь заказать новое ложе по случаю, например, династического брака. Так, португальский король Хуан V, вступая в брак с австрийской принцессой Марией Анной, специально по этому случаю заказал себе в Голландии новую кровать, в которой, кстати сказать, тут же завелись клопы. И это, заметим, происходило не в конце XVI, а в самом начале XVIII века, то есть сто с лишним лет спустя клопы продолжали успешно селиться в королевских опочивальнях. «Плоские паразиты проникают повсюду, — с негодованием отмечал Виктор Гюго. — В кровати Людовика XIV водились клопы». Значит, можно сделать вполне справедливый вывод: в спальне Дон Кихота их была тьма-тьмушчая... И они не давали бедному идальго ни минуты покоя.

Обратимся к источникам, которые содержат, как правило, весьма детальный, даже дотошный перечень предметов повседневной жизни, — это описание приданого и завешания. В центре внимания всегда находится кровать и все, что с ней связано. Она неизбежно занимает первое место в перечне. Перечисляется количество и описывается качество перин и подушек (обычно набитых перьями), простынь (льняных, хлопчатобумажных, шелковых), одеял, покрывал, полога или балдахина (для тепла), скамеечки для ног (кровать, этот клоповник с вековой традицией, была всегда высокой, словно трон).

Разумеется, кровати бедняка и богача сильно отличались одна от другой, но, думаю, лишь внешне, а не по количеству обитаемых в них насекомых.

Приведем описание одной из лучших. Смертельно раненный Тафуру, сын сира Тафуру из Бари, завешает в числе прочего постель: две перьевые перины, три шелковые наволочки — светлую, красную и пурпурную, два покрывала — из белого и лазурного шелка с белой бахромой, суконный балдахин с шелковыми узорами. Указывается и ширина простынь (по количеству нитей), переплетение зеленых и красных нитей в покрывале.

Итак, кровать, сей вековой клоповник, — это символ семейного очага и его благополучия, центр семьи, место, где зачинали и рожали детей, умирали от болезней или старости.

Обратимся теперь непосредственно к правдивой истории о жизни Алонсо Кихано, а точнее — ко второму, последнему, тому и прочитаем в финале следующее: писарь, приглашенный записать завешание, замечает, «что ни в одном рыцарском романе не приходилось ему читать, чтобы кто-нибудь из странствующих рыцарей умирал в своей постели так покойно и так по-христиански, как Дон Кихот».

А что же диктует в качестве завешания Рыцарь печального образа? Догадайтесь! Правильно. Речь идет о кровати. Хотя Сервантес из скромности этого весьма важного обстоятельства и не упоминает. Дон Кихот оставляет своей племяннице все ту же кровать в наследство и, наверное, пускается подробно перечислять подушки, простыни и балдахины, в которых так и копошатся, так и снуют несметные полчища клопов и прочих насекомых.

Здесь, в этой постели, наверняка и появился полвека назад сам сеньор Алонсо Кихано, здесь согласно Сервантесу он и испустил дух.

Круг замкнулся. Клопы выгнали дона Кихано из кровати, лишив его спокойного сна. Они вынудили сеньора Алонсо все ночи напролет читать один роман за другим, что и привело его слабеющий разум к порочной идее стать странствующим рыцарем. Они же, клопы, и приняли умирающего Дон Кихота в свои объятия, когда история, пробежавшись по кругу, поставила наконец жирную точку, похожую на раздавленного клопа.

Но странствующего рыцаря из тихого и скромного дона Алонсо сделали и так называемые невыносимые бытовые условия.

Книга Сервантеса не случайно начинается с подробного описания необычайно убогого быта главного героя, искусанного до полуобморочного состояния кровожадными насекомыми. Итак, читаем: он был «один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тошей кляче и борзой собаке. Оля чаще всего с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевича по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям — все это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешевого, но весьма добротного сукна. При нем находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться».

Дом сеньора Алонсо был не более 70 кв. м. Таков согласно историческим данным был размер среднего жилища. Жилось в нем тесно. По своим размерам этот дом был сравним с малогабаритной трехкомнатной квартирой где-нибудь в России, скажем в Южном Бутове. Но помимо людей на этой жилплощади следовало разместить птиц, Росинанта и какую-то еще домашнюю живность, не считая, конечно, все тех же клопов. К этим 70 кв. м следовало прибавить и двор. Мясо и сало для Дон Кихота готовилось здесь же, в доме, а не покупалось в соседнем супермаркете,

что лишь усугубляло и без того стесненные до предела бытовые условия. Если животных забивали во дворе, и делал это, скорее всего, слуга, а туши складывались на чердаке, то всевозможных насекомых, моли, тли, навозных мух, червей и проч. лишь прибавлялось, и злополучная кровать как отстойник лишь аккумулировала всю эту нечисть.

Наш естествоиспытатель XIX века с точки зрения биологии так мог бы охарактеризовать подобную антисанитарию: «Мясник повел меня на чердак, слабо освещенный слуховым окном, открытым день и ночь, во всякое время года, для того, чтобы проветривать помещение. Одного воспоминания об этом чердаке достаточно, чтобы вызвать у меня содрогание. Там, на протянутой веревке, сушились только что содранные кожи овец; в одном углу лежала куча жира, издававшая запах сальных свечей; в другом — куча костей, рогов, копыт. Под кусками сала, которые я приподнимаю, копошатся тысячи кожеедов и их личинок; вокруг овчин мягко летают моли; в костях, сохранивших еще немного мозга, жужжат, влетая и вылетая, мухи с большими красными глазами...»

Какой выход? Выход один: бежать, бежать из этого жужжащего навозного ада, бежать куда глаза глядят. Но задержимся еще на короткое время в доме Дон Кихота, чтобы придать нашему бегству должный импет. Обращает на себя внимание простота (подчас даже убожество) мебелировки и утвари подобных жилищ: стол и скамья, редко — шкаф, обычно же сундук для наиболее ценных вещей. Из утвари: котел, печной горшок, сковорода, цепи для подвешивания котелка, вертел, чаша, кубки, ножи, иногда ведро или чан, ступка с пестиком — вот практически и все. Характерная черта быта — плохое освещение, отмеченное не одним хронистом, и отсутствие в большинстве домов очага, обогревающего зимой.

А в качестве звукового сопровождения — непрерывное жужжание мух и насекомых.

Подобный быт — и причина, и следствие того, что значительная часть жизни, особенно у мужчин, проходила на улице, в церкви и в других публичных местах.

Под влиянием всех этих обстоятельств и зрела, наверно, в голове бедного дона Алонсо мысль о большой дороге, о странствующем рыцарстве и о безграничной свободе, не стесненной рамками убогого жилища. Можно сказать, что определенным образом подобранные книги просто, как зерна сеятеля, легли в благодатную почву бытовых неурядиц и дали свои всходы.

*Из книги профессора Хуана Риверте
«Частная жизнь Дон Кихота, или Привычка к тесноте»*

Часть I



*Никогда не спрашивай, как пройти,
у того, кто знает дорогу, ибо ты лиша-
ешь себя возможности затеряться.*

Рави Наман де Браслав

— **С**мотри! Смотри! Быстрее! Сюда!

— Ага! Здорово!

— Эх, пролетели. Ты всего не видел!

— А смотри, отсюда какой вид!

— Потрясающе!

— И заметь — ни души!

— Как во сне.

— Глазам своим не верю. Разве такое бывает?

Автобус летел по направлению к Сьерра-Неваде. И благословенная земля мавров устроила беззастенчивый стриптиз, демонстрируя в оконном стекле всю свою неприкрытую красоту. Красоту и энергию, подобную сильному сексуальному влечению. Туристы прильнули к стеклу, как к глазку ярмарочного аттракциона под названием реерshow: какое еще покрывало сбросит пышнотелая красавица? Горы, долины — бесподобная Андалусия бесстыдно и нагло все раздевалась и раздевалась, не желая шадить тех, кто подглядывал сейчас за нею через толстое оконное стекло туристического автобуса. Кондиционер гнал приятную прохладу морского бриза, и жара, казалось, только еще пуще злилась от этого. В припадке бешенства в час сиесты она загнала все живое в тень.

Неорлан несся по раскаленному асфальту, и колеса исчезли, расплылись в мареве, исходящем от шоссе. Тяжелая груда металла не ехала, а плыла на воздушной подушке. И все это напоминало волшебство, чудо, сцену из рыцарского романа. Так, наверное, волшебник Фрестон, выкрававший библиотеку Дон Кихота, удирал на облаке от своего опасного преследователя.

Для полноты картины не хватало лишь ветряных мельниц. И они появились. Ветряки выросли словно грибы после дождя. Выросли в таком количестве, что, казалось, в этом бурном росте нашла свое отражение беззлобная ирония неведомого арабского автора. Высокие конструкции на длинной, похожей на ногу

цапли, опоре весело вращали большими лопастями, напоминающими пропеллер самолета. Казалось, что целая колония механических птиц разом опустилась на землю и заполнила собой все до горизонта.

— Это ветряки, — пояснила экскурсовод. — Так здесь добывают электричество. Тут постоянно дуют ветра — всем от этого одна сплошная польза.

— И сеньору Кихано тоже? — не выдержал и поинтересовался московский профессор лет пятидесяти, который сумел-таки выбраться на родину Сервантеса.

— Простите, кто? — переспросила экскурсовод.

— Понятно, — буркнул интеллектуал, случайно затесавшийся в эту толпу обеспеченных русских туристов.

Шутка, что называется, не прошла, и все продолжили тупо смотреть на разворачивающийся лунный пейзаж за окном. Шок от увиденного стал проходить.

— Херня какая-то эта Испания, — громко шепнул на ухо своей соседке крупный мужчина с лицом деревянной фигуры, вырезанной одним ударом топора студентами-стройотрядовцами для детской площадки. — То ли дело на Тайване. Там хоть крокодило-вые фермы показывали. Крокодила ели... Вкусно...

От ветряков по салону автобуса заходили тени, словно где-то, совсем рядом, пролетела стая птиц, удивляясь попутно тому, как этот неуклюжий земной механизм смог залететь так высоко...

— Да что вы говорите? Крокодила, настоящего крокодила ели?

— Ага.

— Ну и как он на вкус?

— Кто?

— Да крокодил?

— Ничего. Мягкий.

И тут профессор, немало раздраженный болтовней гурмана, увидел наконец то, что давно уже должно было произойти.

Вдали на холме появилась парочка. Это были всадник с копьем на непомерно тощей кляче и толстяк верхом на осле.

Профессор оглянулся, чтобы привлечь хоть чье-то внимание, и совершил роковую ошибку. Он встретился взглядом с верзилой, который сожрал где-то на Тайване бедную рептилию. В ответ ветряки заработали с удвоенной энергией, словно стараясь слух случайно соткавшееся из раскаленного воздуха видение.

Парочка исчезла. Исчезла, как казалось тогда, навсегда.

Профессор тер глаза. Ветряки вращали лопастями. Neoplan летел по дороге. Здоровяк вдавался в подробности о том, каков он, аллигатор, на вкус и как его готовить следует. Соседка записывала рецепт. Все только начиналось...

Из записок путешественника XIX века

Торопливое воображение рисует Испанию краем южной неги, столь же пышно прелестным, как роскошная Италия. На самом деле таковы лишь некоторые прибрежные провинции; по большей же части это суровая и унылая страна горных кряжей и бескрайних степей, безлесная и безлюдная, первозданной дикостью своей сродни Африке. Пустынное безмолвие тем глуше, что раз нет рош и перелесков, то нет и певчих птиц. Только стервятник и орел кружат над утесами и парят над равниной да робкие стайки дроф расхаживают в жесткой траве; мириад пташек, оживляющих ландшафты других стран, в Испании не видать и не слышать, разве что кое-где в садах и кушах окрест людских селений.

Во внутренних областях путешественник вдруг окажется среди нескончаемых полей, засеянных, насколько видно глазу, пшеницей или поросших травой, а иногда голых и выжженных, но тщетно будет он озираться в поисках землепашца. Покажется, наконец, на крутом склоне или на каменистом обрыве селенье с замшелым крепостным валом и развалинами дозорной башни — укрепления былых времен, времен междоусобиц и мавританских набегов.

Ламанча, конец XVI века

Было уже раннее утро, когда сеньор Алонсо Кихано перевернул последнюю страницу сотой книги, посвященной рыцарским подвигам. Он задул уже давно ставшую бесполезной свечу и начал пристально вглядываться в привычный пейзаж, пейзаж своей родной Ламанчи. А в это время в его мозгу начали происходить необратимые процессы. Закрыв обложку последней сотой книги, сеньор Алонсо Кихано словно закрыл за собой дверь, отделяющую его от мира людей. Людей нормальных и, следовательно, слепых. И сеньору Кихано стало немного грустно. Грустно оттого, что он никогда уже не сможет быть таким, как все. Никогда уже не будет слепцом. Прочитать сто заветных книг — это все равно что совершить самоубийство. До последнего момента кажется, что все еще можно исправить и спуститься со стула, ослабив предварительно петлю на шее. Но вот шаг в бездну сделан, ноги задрогались, потеряв опору, раздался хрип, книгу закрыли, свечу задули, чьи-то невидимые пальцы ударили по струнам испанской гитары, и под ритмы фламенко привычный пейзаж за окном стал раздвигаться влево и вправо, словно тяжелый театральный занавес в начале какого-то грандиозного представления. И мир невидимый, скрытый начал приобретать очертания реальности, а в окно сеньора Кихано полезли отовсюду уродливые морды великанов,

во рту одного из которых торчал крокодилий хвост. Соседняя долина между тем стала заполняться враждебными полчищами. Отчетливо слышны были лязг доспехов и ржание лошадей. Чудовища готовились к атаке. Шла перегруппировка сил. Бой был неизбежен. Сеньор Кихано встал с кресла и взялся за меч. И хотя ему уже успело стукнуть пятьдесят, он был еще крепок, худощав и решителен. К тому же силы ему придавала уверенность, что никто в мире, кроме него самого, и не подозревал о таком опасном соседстве...

Из устных показаний племянницы сеньора Алонсо Кихано представителю святой инквизиции местному лиценциату. Приведены по знаменитой книге Мигеля Сервантеса, которую он позаимствовал у какого-то арабского историка:

«Дядюшке моему не раз случалось двое суток подряд читать скверные эти романы. Потом, бывало, бросит книгу, схватит меч и давай тыкать в стены, пока совсем из сил не выбьется. «Я, — скажет, — убил четырех великанов, а каждый из них ростом с башню». Пот с него градом, а он говорит, что это кровь течет, — его, видите ли, ранили в бою. Ну а потом выпьет целый ковш холодной воды, отдохнет, успокоится: это, дескать, драгоценный напиток, который ему принес мудрый не то Алкиф, не то Пиф-паф, великий чародей и верный друг нашего дядюшки».

Итак, сеньор Кихано закрыл последний прочитанный им сотый том и благополучно перешел в мир монстров и чудовищ, готовясь принять неравный бой как неизбежность. Клинок блеснул в лучах рассвета и со свистом разрезал воздух. Монстры, казалось, только этого и ждали. Они толпой рванулись к дому, а великаны, как баскетболисты, полезли прямо в окно. Голова того, у кого во рту застрял крокодилий хвост, сразу упала на пол. Меч не подвел...

Испания, наше время

Neorlan плавно завершил свой полет и остановился у придорожного ресторана. Согласно договору, заключенному с турфирмой, путешественников следовало накормить, напоить, чтобы затем продолжить экскурсию по городам Андалусии. Следующая остановка должна была быть сделана в Гранаде с обязательным посещением знаменитой Альгамбры.

Во время трапезы здоровяк, которому так не нравилась Испания, подошел к экскурсоводу и попросил чего-нибудь, чтобы унять головную боль.

— Словно по шее кто треснул, — жалостливо пояснял любитель крокодиловых ферм.